

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО КОНЕЦ

Новая книга Манфреда Кляйне-Хартлаге

Через несколько дней в издательстве Antaios выйдет новая книга берлинского ученого-социолога и автора сайта Politically Incorrect (PI) Манфреда Кляйне-Хартлаге «Die liberale Gesellschaft und ihr Ende. Über den Selbstmord eines Systems». (Либеральное общество и его конец. О самоубийстве системы). PI в ближайшие дни опубликует заранее несколько отдельных отрывков из книги, и еще до этого мы встретились с автором книги для беседы.

PI: Манфред, через несколько дней появится твоя новая книга «Либеральное общество и его конец. О самоубийстве системы». Неужели на самом деле положение нашего свободного общества настолько плохо?

Кляйне-Хартлаге: Дела у западной цивилизации идут плохо и вместе с тем также у ее либеральных достижений. В моей книге я сравниваю нашу цивилизацию со смело сконструированным небоскребом, который все продолжает строиться и развиваться: все выше, все красивее, все роскошнее. Но проблема в том, что его строят из материала, который забирают из его же фундамента, и поэтому он рухнет, если это не прекратится.

Что ты понимаешь под фундаментом?

Я имею в виду основные человеческие солидарные общности, в частности, институт семьи и существование наций, кроме того, в конечном счете, укорененные в христианстве нравственные ценности, общее – в большинстве случаев бессознательное – признание которых и является предпосылкой того, что мы вообще можем позволить себе нашу либеральность.

Ведь западное понимание общества не исходит – как, например, в исламском, но также и в других традиционных мировоззрениях – из того, что общественный порядок и стабильность являются наивысшими требованиями. И в соответствии с этим оно понимает свободу не как угрозу порядку, а как его дополнение. Идея о порядке на свободе и с помощью свободы могла возникнуть только здесь, и это исторически беспрецедентное достижение европейской цивилизации. Наше общество основывается не на тугом авторитарном корсете, но также и не просто на одной лишь «свободе» и ни на чем более. Оно опирается на равновесие

между свободой и обязывающей связью, между правами и обязанностями, динамичным и стабилизирующим факторами.

И это равновесие нарушено?

Свобода есть только там, где есть порядок, позволяющий ей существовать, и под этим словом я подразумеваю не один только правопорядок. Правопорядок – это только один краеугольный камень в очень сложном культурном строении, но также и этот краеугольный камень упадет, если все строение станет нестабильным.

Это звучит очень абстрактно, есть у тебя конкретные примеры этого?

Давайте возьмем хотя бы только эту зловещую «борьбу против правых». Из культурно и этнически гомогенного общества делают мультикультурное и мультиэтническое. Это значит, соединяют вместе то, что не подходит друг к другу, что систематически вызывает повседневные конфликты, делает из относительно гармоничного общества такое, в котором возникает все больше напряженности, и с этой напряженностью можно тогда справиться только с помощью все более жестких репрессий. Разрушают культурную структуру и вызывают ситуацию, в которой появляется борьба против «расизма и неприязни к иностранцам», т.е., против мнений и чувств, а это значит: осуществляется переход от конституционного государства к тоталитарному государству перевоспитания как «вынужденной необходимости». «Безальтернативно», как сказала бы канцлер. Но ведь эту безальтернативность вызвала она сама и ее предшественники.

И это ошибка или умысел?

И то и другое играет здесь роль: как ослепление идеологией, следование которой всегда ведет к полной противоположности тому, что было изначально задумано, и в этом отношении это является «ошибкой», так и определенные материальные интересы и интересы власти, – и они осуществляются бесцеремонно и совершенно умышленно – за счет народов Европы. В головах тех, кто принимает решение, и то и другое играет определенную роль, только соотношение компонентов этой смеси отличается от одной личности к другой и от одной группировки к другой. Если представить себе шкалу между крайностями от чисто наивного ослепления до чистой злонамеренности, то на ней будет много градаций.

Какие группировки играют в этом роль?

Без претензий на полноту: класс нескольких сотен супербогачей планеты, которые в качестве последних собственников контролируют большую часть глобальной экономики; политический класс Запада, который сам уже давно считается глобальным классом, и члены которого давно отделились от интересов их народов; левые политики; социальная индустрия, индустрия миграции и индустрия интеграции, которые извлекают пользу из растущей общественной напряженности; идеологически-медиаальный комплекс; и лоббисты этнически-религиозных меньшинств и маргинальных общественных групп.

И все эти разные группы взаимодействуют друг с другом? Снова звучит как теория заговора.

Ну, само это слово «теория заговора» – это одно из тех провокационных ярлыков – таких же, как «расизм» или различные «фобии», которыми охотно клеймят представителей «неприемлемых» мнений – и которые используют только те, кто не хочет приводить доказательства и хочет, чтобы и все остальные не размышляли над соответствующими позициями. Эти ярлыки использовались даже против моей книги «Neue Weltordnung» («Новый мировой порядок»), в которой я определенно пришел к результату, что не может быть и речи о каком-то «заговоре», разве что если под «заговором» понимать что-то, когда «заговорщики» объявляют свои намерения по телевизору в прямом эфире.

Механизмы, при помощи которых люди взаимодействуют, не будучи связанными с одним центром управления, способ, как переплетаются интересы различных групп (не являясь поэтому просто одними и теми же интересами), как определенные общие идеологические основные убеждения порождают политические коалиции, как личностные переплетения между элитами различных направлений и функциональных сфер оказывают координирующее действие, как внутри определенных групп, организаций и систем появляется единообразие.

Все это – самое настоящее поле для политологического и социологического исследования. И тот, кто полностью отбрасывает результаты таких анализов как «теории заговоров» (и полагается на то, что после этого уже никто ими не заинтересуется и не станет читать, чтобы узнать, справедлив ли вообще этот упрек), говорит вместе с тем только то, что он не хочет никакой критической социальной науки. Упомянутый идеологически-медиаальный комплекс, от которого уже порой исходят такие обвинения, только благодаря этому уже сам признает, что он является точно тем, каким я описываю его в своей книге: системой для про-

изводства утвердительной, удовлетворяющей интересы правящей верхушки идеологии, точно такой, которая была в ГДР, и как и тогда получающей определенные политические боевые задачи.

Механизмы, при помощи которых эти группы воплощают свои интересы, и то, как функционирует их согласованность, ты описываешь в последней трети твоей книги. В первых обеих частях речь идет, прежде всего, об идеологиях, которые породили сегодняшнюю неудовлетворительную ситуацию. Имеет ли такая идеологическая критика, собственно, практическое значение? Нужна ли она нам на самом деле? Не достаточно ли одного здравого смысла, чтобы увидеть, что европейские общества готовы разрушить сами себя?

Проблемой как раз является то, что господствующая идеология демонизирует здравый смысл и клеветает на него как на «болтовню за кружкой пива». Господствующая идеология претендует на то, что является высшим проявлением разума и серьезным познанием. Но в действительности она – большей частью полная противоположность этому. Но мало знать это самому, нужно суметь доказать это, если вы хотите убедить и других. Необходимо – и именно при угрозе заката европейской цивилизации! – противопоставить господствующей идеологии альтернативную парадигму, и для этого здравого смысла как раз и не хватает, для этого требуется идеологическая критика.

Этот идеолого-критический аспект является подлинным ядром всего, прежде всего потому, что наше общество никогда не приняло бы все то, что с ним делают, если бы определенные идеологические фундаментальные убеждения не въелись в него настолько глубоко, что большинство людей воспринимают их как нечто само собой разумеющееся и вообще не видят в них больше идеологию. Речь идет о плотно сотканной сети подпирающих друг друга допущений, которые являются буквально пред-убеждениями, так как они уже есть в каждой отдельной голове, прежде чем в ней может произойти что-то вроде осознанного суждения.

Итак, это приблизительно то же, что ты в твоей «Системе джихада» в применении к Исламу называл «системой культурной самоочевидности»? Представления, против которых никто даже не возражает, так как вовсе не сознает, что они у него есть?

Точно так. Разумеется, идеологические представления, о которых я говорю в моей новой книге, с исторической точки зрения существенно моложе Ислама, и

не смогли проникнуть в западное общество так же глубоко, как Ислам проник в арабское или турецкое общество. Уже поэтому я полагаю, что сегодня еще можно бороться с ними, тем более что речь здесь идет об идеологии, которая, в принципе, была только привита к более старым, например, христианским слоям сознания, и сверх того – по меньшей мере, в ее самых поздних последствиях – она вопиюще противоречит всему тому, что люди стихийно считают правильным. Эти идеологические представления просто игнорируют человеческую природу.

Несколько примеров таких представлений?

Ну, например, идея о том, что общество можно было бы формировать практически произвольно в соответствии с определенными политическими и идеологическими желаниями, так как его можно проанализировать и объяснить научными средствами, приблизительно так же, как можно строить машины, если известны законы природы. Однако что-то в таком роде в общественной области не функционирует. Человек – это по своей природе социальное существо, даже и без общественных идеологов.

В том, что называют здравым смыслом, собраны решения для тех проблем, которые всегда были у людей. Если теперь этот здравый смысл отодвигают в сторону, так как сейчас люди якобы гораздо лучше знают все это в силу «научного», т.е. идеологического познания, то этим заменяют оправдавшую себя в ходе эволюции экспертную систему на неэкспертную систему и, следовательно, терпят крах. Если бы общество увидело эту связь, оно больше не вздрагивало бы боязливо, как только кто-то произносит слова «о болтовне за кружкой пива» (еще один такой полемический ярлык). Оно разглядело бы за такой полемикой антинародное высокомерие и тупое сопротивление реальности, которое действительно стоит за ним.

В первой части книги ты берешь под прицел практически все Просвещение. Не противоречие ли это для человека, который и сам, все же, является просветителем?

Я пишу, что, естественно, не может быть пути, который привел бы нас назад во времена до Просвещения, разве только как результат крушения цивилизации и прихода к новому варварству. Однако точно эти опасности угрожают нам, если мы будем продолжать доводить парадигму Просвещения до крайности. Я просветитель в том смысле, что я просвещаю также о последствиях Просвещения.

Что ты подразумеваешь под «парадигмой Просвещения»?

Я понимаю под этим идею безграничного самотворения, самоопределения и, в конечном счете, самоосвобождения человека. Если довести ее до логического конца (а ее не только доводят до этого логического конца в уме, но также и пропагандируют и практикуют в политике со всеми последствиями), то она означает, что человек должен отвергнуть как ограничение своей свободы все, что он просто находит как данность, а не создал сам по сознательному плану, причем отвергнуть буквально все, вплоть даже до своей половой идентичности. Если вы осознаете последствия этой идеологии, то сразу увидите, что она представляет собой деструктивное безумие.

Самоопределение – это безумие?

Нет, попытка строить общество на идее безграничного самоопределения, – это безумие, тем более что я также доказываю, что такая попытка неизбежно приведет к противоположности того, к чему она должна была бы привести. Я только что говорил, что все дело в благоразумном равновесии свободы и обязывающей связи, и что именно на этом основывается европейская цивилизация. Но если абсолютизировать только одну или другую сторону, тогда это равновесие нарушается.

Запад и Ислам совершают точно противоположные ошибки: в то время как исламская культура признает только обязанности, связи и стабильность, Запад все больше ставит только лишь на права, свободу и динамику. Если одно ведет к застою, то другое к анархии, или – для укрощения анархии – к тоталитаризму.

Во второй части книги ты конкретизируешь свою критику Просвещения, анализируя основные просветительские идеологии: социализм и либерализм в их принципиальных уязвимых местах. Ты делаешь вывод, что они основываются на одной и той же «метаидеологии». Что конкретно ты под этим понимаешь?

Я понимаю это в двойном смысле: с одной стороны то, что они вопреки всем видимым и поверхностным противоположностям строятся на более глубоком уровне, как раз на метауровне, на общих основных идеях, и с другой стороны, что эти идеи в то же время требуют обязательств от всего общества. Они являются метаидеологией в том смысле, что они определяют, какие политические идеи вообще считаются приемлемыми. Так как консервативные позиции за последние десятилетия практически были вообще вытеснены из общественного

обсуждения, к просветительской парадигме больше нет противовеса, который заботился бы о том, чтобы церковь оставалась в деревне, чашки в шкафу, а здравый смысл в голове. Так как этот противовес упразднен, то обществом владеют идеологии, которые уже по самим своим предпосылкам являются утопическими.

Они рассматривают современность с точки зрения будущего, которое им представляется раем. И тут они констатируют, что существуют высокоразвитые структуры, которые являются другими, которые не соответствуют их утопическим обещаниям, и потому они хотят упразднить их. И так как есть люди – и их даже большинство – которые считают эти структуры (например, семью или национальное государство) правильными, то нужно упразднить их «ошибочные» мысли. Это приблизительно тот самый момент, в котором мы теперь находимся. Однако процесс не стоит на месте: он развивается согласно своей собственной логике, на основе которой однажды случится то, что будут упразднять не только ошибочные мысли, но и устранять самих их носителей.

В то же время самая глубокая причина того, почему утопии – если их сторонники достаточно могущественны – всегда приводят к полной противоположности того, к чему они должны были бы привести, – самая банальная, а именно: как раз потому, что они – утопии. То есть, они *априори* исходят не из того, каким является мир на самом деле, а из того, каким он должен быть. Они даже не выдвигают требования познать действительность (разве только как преграду, которую нужно устранять). Однако ведь реальность нельзя игнорировать безнаказанно, и она отомстит, если попытаться сделать это.

Твоя критика либерализма многим читателям будет не по вкусу. Не слишком ли жестко ты критикуешь либералов?

Я критикую вообще не либералов, а либерализм, в том же смысле, как я критикую не мусульман, а ислам. Идеологии следуют соответственно своей определенной собственной логике, они в какой-то мере порождают течение, от которого их приверженцам очень трудно уклониться. Но если ислам можно довести до абсолютной крайности, не разрушая его, так как он, так сказать, тем больше является исламом, чем более радикально его практикуют, то левые и либеральные идеологии по мере того, как они воплощаются, разрушают свои собственные предпосылки и, в конечном счете, самих себя. Я очень надеюсь, что среди моих читателей найдется много самокритичных либералов, а также левых, которые не захотят участвовать в этом марше к саморазрушению, и вооружатся

моими аргументами, которые позволят им и другим вырваться из водоворота левого и либерального мейнстрима.

Большое спасибо тебе за беседу, Манфред.

Я тоже тебя благодарю.

Источник: <http://www.sezession.de/39954/die-liberale-gesellschaft-und-ihr-ende-manfred-kleine-hartlage-uber-sein-neues-buch.html>

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).